

Александр Коломийцев с. Зональное, Алтайский край

МИЛЕТЯНИН В АФИНАХ

Исторический роман

(Продолжение. Начало в № 10/2016, № 2-7/2017)

– 7 –

Безмолвные стенания, упреки судьбе ни к чему не вели, только истощали силы. Принудив себя принять новые обстоятельства как данность, Анаксимандр с любопытством приглядывался к внутреннему устройству рудника. Всё вызывало интерес: расположение печей, отвалов, мельниц, барачков, жилищ охраны, высота обрывов, смена стражи. Но не праздное любопытство было тому причиной. Анаксимандр измышлял побег. Иначе и быть не могло. Мегабаз лучше хозяина разбирающийся в людях, кандидату в новые управляющие не доверял. Такое отношение к себе Анаксимандр чувствовал подспудно. Подозрительность управляющего требовала соблюдать особую осторожность, следить за каждым своим словом, шагом, взглядом. Целью по-

бега ставил Афины, в которых жил Хремил. Собрат-купец непременно должен выручить, помочь добраться до Милета. В одиночку бежать было трудно, даже невозможно, требовалось изыскать товарищей для отчаянного предприятия. Но события конца лета отвратили его от дерзких замыслов.

Как-то в домик, где жили надсмотрщики, Кривонос, опекавший шахту, привёл грязного рудокопа, боязливо поглядывавшего затравленным взглядом на грозных обитателей жилища. Усадив гостя на табуретку, Кривонос сходил на кухню, принёс полную фиалу ячменной каши, подал рудокопу. Тот поставил чашу на колени, и, придерживая одной рукой, принялся есть, запихивая кашу в рот второй рукой, чавкая и давясь, как изголодавшееся животное. Казалось, разверзлись в этот миг земля, он бы не выпустил чашу из рук. Когда рудокоп доел, вылизав при этом посуду и руки, Кривонос велел:

– Теперь рассказывай. Да толком, по порядку говори. А то я ничего не понял из твоей болтовни. Кто, где, когда? Несёшь всё разом, ничего не разобрать.

Рудокоп посмотрел сожалеющим взглядом на пустую чашу, словно укорял себя за то, что поторопился и не продлил удовольствия, или, ожидая, что та наполнится вновь, вздохнул сокрушённо и приступил к объяснениям.

– Рудокопы Кривоногий, Лысый, Щербатый, Пискун задумали бежать. Ночи сейчас безлунные, тёмные, самое воровское время. Припасли две поломанные кирки, заточили, как наконечники. Завтра, как всех в барак погонят, останутся во дворе, ползком за кучами породы схоронятся. Вот. Перед утром, когда самый сон, подберутся к ограде, где можжевельник. Охранники ж тоже люди, так они думают, поди, прикемарят. В случае чего, побьют или оглошат, уж там как выйдет. Через ограду перелезут и бежать.

– Куда побегут?

– Да сами ещё не решили. Ссорились. Кривоногий хочет сразу на побережье, Лысый и Пискун хотят покамест в горах спрятаться и по горам на север пробираться, на

равнину опасаются идти. Землепашцы увидят, так либо выдадут, либо сами изловят. Щербатый – ни то, ни сё. Бечь-то собрались, да вот беда, дороги толком никто не знает. Но бечь твёрдо задумали, иначе, меж собой рассуждают, загнёмся в этой шахте, уж мочи никакой нет терпеть.

Кривонос прищурился, вперил глаза в доносчика, съжившегося под недобрым взглядом

– Точно сказал – завтра?

Тот заёрзал, передёрнул плечами.

– Зевсом-вседержителем клянусь, на завтра задумали. А там, кто их знает? Могут и передумать. Я вот заранее решил предупредить, как узнал, сразу к тебе. А можно мне ещё каши?

Кривонос фыркнул, отношение его к добровольному стукачу было самое пренебрежительное.

– Вот утроба ненасытная. Не лопнешь? Потом ещё получишь, как бегунков поймем. Вечером зайдёшь. Да смотри, если заради каши набрехал, и эту выблюешь. Пошёл теперь вон.

Доносчик хихикнул неизвестно чему и, пятясь, кланяясь подобострастно, вышел наружу и исчез в темноте.

Медведеобразный Скиф, занимавший ложе рядом с Анаксимандром, посоветовал:

– Ты, Кривонос, того, охрану предупреди. Кто их, этих демонов знает, может, нынче бечь порешат.

Кривонос поднялся, поскрёб в затылке, потряс бородой.

– Да я самого Мегабаза уведомя. Он начальник, пускай и решает.

Мегабаз, когда ночевал на руднике, занимал крайний домик, вместе с начальником охраны.

Беглецы попытались совершить свой замысел, как и предполагали. В ту ночь слышалась беготня, злобный лай собак, дикие крики. Утром на кучах породы лежали четыре изувеченных трупа, рядом стоял Мегабаз. Управляющий велел остановить человеконогих, направлявшихся на работы, громогласно, объявил в назидание:

– Эти собаки хотели сбежать.

Вечером доносчик явился за обещанной порцией каши. Держался много уверенней, по-видимому, рассчитывал на какие-то льготы или даже изменения в своей судьбе. Но Кривонос в этот раз кашей не потчевал, а увёл соглядатая к Мегабазу. Управляющий желал лично познакомиться со стукачом. Поставил ли управляющий доброхота на особое харчевание, для Анаксимандра осталось неизвестным, но в числе надсмотрщиков тот не объявился.

Не прошло и месяца после попытки четырёх отчаявшихся рудокопов бежать, на соседнем руднике полыхнул бунт. Рабы перебили половину надсмотрщиков, часть охраны, погиб и управляющий. Весть об этом событии принесли метеки, и она мигом распространилась среди обитателей рудника. Прелюдией бунта послужил неудачный побег. Так же, как и на руднике Лисагора, у соседей беглецов выдал предатель. Но наказанию беглецов тамошний управляющий подверг прилюдно, для большего назидания, при этом не позаботился выставить достаточную охрану на лобном месте. Вид пыток, вопли истязаемых возбудили у рабов жажду мщения, а не привели к покорности. Камнями, в изобилии устилавшими рудничный двор, бунтовщики перебили немногочисленных стражников, находившихся на месте истязания. По мнению Анаксимандра, если бы толпа рабов тотчас же ринулась к воротам, охрана, сторожившая вход, была бы сметена, рабы вырвались бы на волю и многие обрели бы свободу. Но восставшие поддались порыву, принялись ловить и предавать смерти своих непосредственных мучителей, другая часть набросилась на продовольственные склады, третьи разбивали горны, четвёртые крушили всё подряд. В этот короткий промежуток времени всеобщей неразберихи, охрана сгруппировалась у ворот и с помощью стрел и копий оттеснила безоружных рабов к обрыву, и те, в виду неминуемой смерти, прекратили сопротивление.

Надзор за рабами ужесточился. Теперь охранники по ночам в сопровождении собак курсировали не только по периметру двора, но ходили между бараками, прочёсывали

всю территорию. Днём, в отсутствие рабов, обыскивали бараки, перетряхивали вшивые вонючие постели. На работу и с работы рабов водили группами не более десяти человек в каждой.

Мегабаз свирепел. Бич управляющего, казалось, свистел с утра до вечера. Пять-шесть рабов постоянно стонали, заключённые в колодки. А подносчика руды на плавильном участке управляющий забил насмерть. Заметив, что раб замешкался, Мегабаз, по своей привычке хоронившийся за кучей угля, подскочил к рабу, и ударом бича по ногам, свалил наземь. Падая, тот ударился затылком об острый кусок породы и испустил дух. На первый взгляд смерть раба выглядела непредвиденным и досадным случаем. Но, имея в виду виртуозность, с которой Мегабаз владел бичом, в этом возникали сомнения. Как лесоруб искусными подрубами направляет падение дерева в нужную сторону, так и Мегабаз ударами, подсечками мог свалить человека навзничь, лицом вниз, набок. В том, что убийство совершилось преднамеренно, Анаксимандр вскоре убедился, и просветил его на этот счёт сам управляющий.

Лисагор явился на рудник с целым обозом, привёз инструмент, провизию. В Афины намеревался увезти готовые поковки серебра. Управляющий велел Купцу взять нескольких рабов, разгрузить повозки. Хозяин ходил возле штабельков поковок, пересчитывал толстые сверкающие лепёшки. Глаза горели, губы подёргивались в плотоядной усмешке. Перед рабами можно не стесняться. Человеконогий нечто среднее между человеком и животным. Разве человек стесняется собаки или лошади? Но благородный человек не станет алчными взорами проявлять свою радость при виде барышей, даже если находится в одиночестве. Очевидно, Лисагор относился к плодящемуся сонму скоробогачей, о которых с презрением отзывался Хремил. Предки самого Хремилы занимались торговлей благовониями ещё до первого тиранства Писистрата. Обол к оболу, драхма к драхме, дело расширялось, и Хремил уже имел

мастерскую по изготовлению благовоний и слыл специалистом в своей области. Выскочкам же было всё едино, чем заниматься, на каком попроще получать барыш, перепродавать рабов, пшеницу, лес, так нужный для постройки увеличивающегося военного флота, они были там, где выгодно складывались обстоятельства. Потомственное купечество к скоробогачам относилось несколько презрительно, последние, благодаря своим стремительно растущим доходам, отвечали тем же и любыми способами пролезали в слои старинной аристократии.

Подошёл управляющий, завёл с хозяином разговор. Анаксимандр, рискуя навлечь гнев Мегабаза за небрежение обязанностями надсмотрщика, – его подопечные работали с прохладцей, остановился невдалеке. Ему хотелось знать, не зайдёт ли речь о нём и в каком плане пойдёт, но имя будущего управляющего не упоминалось, хозяин делал выговор приспешнику.

– ...Беглецов не было нужды предавать смерти. И последнего зачем убил? Всыпал как следует, и пускай работает, – доносились слова раздражённого убытком хозяина. – Перед тем как умереть, раб обязан оправдать затраты на его покупку, кормление и принести мне некоторую прибыль. А ты не позволяешь рабам исполнять свой священный долг, – заключил Лисагор с мрачным юмором.

– Хозяин, – отвечал Мегабаз, – я знаю, что делаю, доверься мне. Пока я управляю рудником, бунты тебе не грозят. Те беглецы уже отработали кто по два, кто по три года, они бы всё равно передохли через несколько месяцев. А что до колодников и последнего убитого, позволь, объясню. Ты слышал про спартиатские криптии?

– При чём тут криптии? Старики приучают свою молодёжь к запаху крови, приучают рубить не чучела, а живых людей, чтоб в первом бою рука не дрогнула. При чём тут криптии? Уж ты-то привык и к виду крови, и к смертоубийству.

– Ты не верно понял меня, хозяин, – возразил управляющий. – Доносчики указывают на смутьянов среди илотов, тех, которые

склонны к бунту. Вот на этих-то смутьянах ирэны и набивают руку, – хмыкнув, он продолжил: – Некоторые предполагают, от истязаний и убийств я испытываю наслаждение. Может, кровопускание и доставляет мне удовольствие, но покорных я не трогаю. За пару чашек каши в день я знаю все настроения среди рабов и пресекаю смуту в зародыше.

– Страшный человек ты, Мегабаз, – произнёс задумчиво Лисагор и хохотнул: – Тебе бы во власть государственную. Какой тиран в тебе пропадает!

Тайный наблюдатель заторопился вернуться к своим обязанностям: дважды щёлкнул бичом, громогласно рыкнул на ледащих работников.

Услышав откровения Мегабазы, Анаксимандр ужаснулся и пал духом. Надежды на побег оставили его. В эту ночь, закутавшись в суконную полость, Анаксимандр долго лежал без сна. От жалости к себе ныло сердце, обида на жестокую судьбу комком стояла в горле. На глаза наворачивались слёзы от безысходности, терзавшей сильней физических мук. Казалось, уже никогда, никогда его грудь не наполнится благословенным воздухом свободы, а очи не увидят милое семейство. Вариант побега в одиночку отпал – после известного случая можжевельник у ограды вырубил подчистую, и охрана ограды усилилась. В одиночку Анаксимандр бежать не решался также из-за Скифа, подозревая в нём Мегабазова соглядатая. Поднимаясь ночью по нужде, чувствовал: страхолюдный сосед не спит. Однажды, выйдя из лачуги, нарочно задержался; возвращаясь, столкнулся со Скифом, стоявшим в дверях и водившим по сторонам носом, словно принюхивающийся пёс. Пришлось хихикнуть и посетовать на живот, который «скрутило». Скиф нечленораздельно мугыкнул и завалился на своё ложе. Оставалось ждать случая, который избавит от наушника, но ожидание ни к чему не привело. Требовалось сбить ватажку отчаянных сорвиголов, спуститься по верёвке с обрыва, запасти оружие, напасть ночью на охранников. Но рабы чурались нового надсмотрщика и даже ненавидели его,

признавая в нём не товарища по общему несчастью, а своего истязателя, хозяйского прислужника, на чужих страданиях добывающего кусок пожирнее. Да если и стакнёшься с кем-либо, непременно попадёшь в сети к Мегабазу. О привлечении к побегу «коллег» даже думать не приходилось. Анаксимандра окружали рабы в полном смысле слова, холуйством устраивавшие себе сносную, по их мнению, жизнь. Себя Анаксимандр рабом не считал ни в коей мере. Он носил путы рабства, вёл рабскую жизнь, но внутренне сознавал себя свободным человеком. А свободный человек рано или поздно сбросит с себя оковы рабства.

Отчаяние сменялось надеждой. Главное не торопиться, не совершить необдуманного рокового поступка. Удача выпадет один раз. Побег из рабства не состоит в силе иловкостина празднеств в честь богов. Там – почётный приз, здесь – свобода и жизнь, придти нужно только первым, второй забег не состоится. Возможно, через год, через полгода его станут выпускать за пределы рудника, и тогда он воспользуется случаем. Других надсмотрщиков отпускали в посёлок, некоторых приказчики даже брали с собой в Афины. Возможно, коварный Мегабаз перемудрит самого себя и своими «криптиями» вызовет стихийный бунт. Надо только зажать себя в кулак и ждать, ждать, ждать.

Существование под личиной преданного холуя давалось с трудом и вызывало угрызения совести. Жестокость претила милетскому купцу. Рука не поднималась избивать несчастных. Бич пускал в ход, лишь находясь под приглядом управляющего или других надсмотрщиков. В том, что последние донесут о его поблажках рабам, не сомневался, и всё же бил жалеючи. И тем не менее, это улавливалось по взглядам, выражению лиц, перешёптыванию, рабы его ненавидели. Ненавидели скорее не лично, а как представителя касты истязателей. Ненависть, которую питали к Мегабазу, распространялась и на него. Вообще, всю атмосферу рудника пропитывала ненависть и подозрительность. Рабы ненавидели надсмотрщиков, надсмотрщики – рабов. Ненависть надсмотрщиков

была с одной стороны ответом, с другой, иначе и быть не могло. Невозможно любить, испытывать добрые чувства к истязаемым тобой людям. Особенно ненавидели рабов шахтные надсмотрщики, которым те доставляли массу неприятностей и хлопот. Рудокопы, подземные носильщики были скрыты от глаз надсмотрщиков, а с последних строго взыскивалось за количество добытой руды. Поэтому основной функцией надзирателей за подземными работами являлась прослушка. Целый день они вслушивались в стук молотков по породе и в случае каких-либо сбоев, устремлялись в шахтные норы и вытаскивали на поверхность лодырей и притвор. Лазание по крысиным ходам людям типа Скифа, обладавшего тяжеловесной комплекцией, доставляло много неудобств. Поэтому наказывались рудокопы своими обозлёнными истязателями с особой свирепостью. Побой имели лишь два исхода: либо назад в забой, либо верх тормашками на свалку. Ни о какой болезни или усталости не могло быть и речи. Немощный раб хозяину не нужен, денег на ветер тот не бросает.

Чтобы снискать доверие, требовалось раствориться в общей массе. Туповатые разговоры, которые вели окружающие его люди и в коих принуждён был участвовать, их примитивные интересы, кои принуждён был разделять, у него, просвещённого человека, вызывали озлобленное раздражение. Прелести совместного житья с полуживотными в человеческом обличье вызывали бешенство. И ни на миг не удавалось уединиться. Существовал иной способ снискать благосклонность хозяина и управляющего – выделиться особой жестокостью. На последнее Анаксимандр был не способен, приходилось терпеть, держать себя постоянно в руках.

Прохлада, пришедшая на смену летнему зною, принесла невольничьему племени некоторое облегчение. Но с наступлением зимы смертность вновь увеличилась. Измождённые люди не могли противостоять холодам. Чёрные грифы постоянно кружили у западной части рудника, где с обрыва сбрасывали трупы. Три-четыре раба ежедневно обретали долгожданную свободу. Обычно бездыхан-

ные тела по утрам вытаскивали из бараков. Работы не прекращались ни в стужу, ни при ветре, ни в снег или дождь. Выпавший снег тут же таял, и землю покрывало жидкое месиво из грязи, каменной крошки. Всё же над горнами и кузнечными наковальнями сделали загородку из дощатых стен и крыши. Правильный участок обслуживали свободные мастера, а они могли отказаться работать в непогоду под открытым небом. Рабам хозяин был принуждён выдать по куску грубой, колючей ткани и деревянные стукалки на верёвочных завязках. Рабы обматывали ноги, тело тряпьем, служившим постелью. Но убогая одежда мало спасала от леденящих ветров, пронизывающих межгорье.

Афиняне праздновали Ленеи, Великие и Сельские Дионисии, Пандии, Панафиней, славили Деметру и Персефону, прочих олимпийских и отеческих богов, рудник же работал безостановочно. Боги не нуждались в поклонении рабов, да и какие жертвы могли принести человеколюбие, не имевшие в собственности даже тряпки. Лишь метеки в священные дни оставались дома и совершали необходимые обряды.

Какой бы бесконечной не представлялась зима обездоленным представителям рода человеческого, наступил срок, в черноте ночи засияли Плеяды. Гелиос на своей лучезарной колеснице с каждым днём всё выше и выше въезжал на небесную сферу и прогревал землю. В буйстве красок в Аттику пришла весна. Вырубленный можжевеловый, живучий, как надежда, выбросил зелёные побеги. На склонах гор среди изумрудной травы пламенели тюльпаны, цвели фиалки, напоминая несчастным о празднике жизни, царящем на их костях и страданиях. Трое рабов, заготавливавших дрова для углежогов, увлечённые весенними надеждами, пытались бежать, но были пойманы. На этот раз беглецов не убили. Каждый получил по двадцать ударов истрихидой, каждому по всему лбу вытатуировали надпись: «Верни беглого Лисагору». Затем всех троих отправили в забой.

В конце весны совершенно неожиданно оборвалась нить жизни всемогущего Мега-

база. Хотя, если разобраться, такой исход был закономерен. Самонадеянность, презрение к никчемным человекоподобным, способным лишь пресмыкаться перед ним, породили в управляющем неколебимую уверенность в собственной неприкосновенности, притупили бдительность и, в конечном итоге, погубили. Один из подносчиков руды замешкался, управляющий, как водится, набросился на лодыря с бичом. В это время проковывали крицу, молотобоец оставил своё занятие, и, зайдя сзади, снёс молотом ненавистному Пифону половину черепа. Мастер, державший крицу клещами, никак не ожидал от своего подручного подобных действий, стоял с открытым ртом. Рудничных Гармония и Аристокитона тотчас схватили, избили до полусмерти и заключили в колодки до приезда хозяина, предоставив тому принимать решение об участи преступников. Примчавшийся по вызову вестника Лисагор, справил по своему приспешнику изуверскую тризну. Обоих тираноубийц забили насмерть истрихидами, но забили не сразу. Избивали с перерывами, во время которых посыпали раны солью. За год рабства таких душераздирающих воплей Анаксимандр ещё не слышал. На вторую ночь несчастные издавали лишь слабые стоны. А когда утром надсмотрщики снимали колодки, чтобы возобновить казнь, страдальцы обретали свободу. Тайну о том, было ли убийство Мегабаза преднамеренным или вышло случайно, благодаря порыву, казнённые рабы унесли с собой.

Казалось, удача вознаградила терпение и улыбнулась Анаксимандру. Новый управляющий, назначенный Лисагором из приказчиков-метеков, нарядил Купца на заготовку дров. Пряча радость, Анаксимандр с группой рабов и охранников отправился в лес, надеясь никогда не возвращаться на рудник. Но за два дня, проведённых в лесу, так и не улучил благоприятного момента для побега. Один из охранников безотлучно находился поблизости. Возможно, был предупреждён о ненадёжности надсмотрщика, впервые покинувшего пределы рудника, возможно, та-

кое поведение составляло его обязанности. Анаксимандр решил не испытывать судьбу, не браться за безнадёжное дело, а подождать более удобного случая.

Ждать пришлось меньше месяца. Случай представился в первый же день. Рабы валили деревья, рубили дрова, а он отправился на поиски сухостоя, якобы потребного для растопки горнов. Едва его фигура скрылась от взглядов охранников, пустился вразумски. Пробираться решил в Афины, одежда надсмотрщика позволяла, не вызывая подозрений, появиться в городе. Хремил, на которого крепко надеялся, обязательно должен помочь. Но воздух свободы недолго наполнял грудь беглеца. Выбившись из сил, присел отдохнуть на сваленную ветром пихту и услышал залиvistый лай собак, шедших по следу. Он ещё бежал, зная, что его усилия бесполезны, но сидеть и покорно ждать преследователей было свыше его сил. Собаки покусали его, а подоспевшие охранники скрутили руки. На рудник привели, словно вола, привязанным за повозку. Управляющий назначил обычные двадцать ударов истрихидой и велел заключить в колодки до приезда хозяина. Сам ещё не вжился в новую должность и не решался принять самостоятельного решения. Лёжа в колодках под палящим солнцем, облепленный мухами, оводами и не имея возможности отогнать злобных мучителей, Анаксимандр решил, что пришёл его последний час. Однажды к нему приблизился Скиф, пнул ногой, плюнул в лицо, проворчал:

– Не зря покойник Мегабаз тебе не доверял. Давно в забой надо было загнать. Ну, попадётся ты мне.

Хозяин приехал через два дня, добавил ещё десять ударов истрихидой, велел сделать на лбу клеймо. Глядя сверху вниз на поверженного раба, процедил сквозь зубы:

– Что, добился своего, Купец? А ведь всё могло быть иначе. Сам виноват.

Остаток этого дня Анаксимандр отлёживался в бараке и утром спустился в шахту – перетаскивать отколотую руду и породу. Судьба слегка смилостивилась над ним, к Скифу он не попал.